

Консерваторы в поисках будущего*

РЕПНИКОВ А. В. (2014). КОНСЕРВАТИВНЫЕ МОДЕЛИ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ. М.: РОССПЭН. 527 с. ISBN 978-5-8243-1854-8

Андрей Тесля

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии социально-гуманитарного факультета Тихоокеанского национального университета
Адрес: ул. Тихоокеанская, д. 136, Хабаровск, Российская Федерация 680035
E-mail: mestr81@gmail.com

За последние два с половиной десятилетия русский консерватизм стал привлекать все большее внимание отечественных исследователей. В историографическом аспекте можно выделить две тенденции. В рамках первой, более ранней, анализируются преимущественно *политические процессы*, идеология и практика правых партий, формы политических консервативных объединений, их роль в политической жизни Российской империи, взаимодействие с правительством и с политическими партиями и объединениями других идеологических ориентаций. В данном случае речь в основном идет о последнем десятилетии XIX и первых десятилетиях XX века, т. е. периоде, непосредственно предшествующем возникновению в России публичной политики и времени существования думской монархии.

Главное внимание уделяется образованию консервативных политических объединений, предсказуемо образом центрированным на эпохе первой русской революции, практикам думской работы и политической активности за пределами Думы (особенно консерваторов и правых, действовавших в реформированном Государственном совете), качественным переменам, происходившим в политической жизни страны в годы Первой мировой войны, и позициям, занятым консерваторами в ходе революции 1917 года. Именно 1917 год оказывается не только важнейшим водоразделом, но и основной смысловой точкой, задающей интерес к политическим консерваторам и их предшествующей деятельности, которая интерпретируется в свете последующей революции: как бесплодная, как провоцирующая катастрофу или как нереализованная альтернатива, неиспользованный шанс Российской империи. Названная тенденция дала импульс исследованиям, развернувшимся в отечественной историографии с 1960-х гг. Смена акцентов и доступность новых тем с конца 1980-х гг. пришли на хорошо подготовленную

© Тесля А. А., 2015

© Центр фундаментальной социологии, 2015

* Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ № МК-5033.2015.6 «Формирование украинского национализма: между Польшей и Москвой (1840–1900-е гг.)».

научную почву (достаточно вспомнить работы П. А. Зайончковского, А. Я. Авреха, Р. Ш. Ганелина, Ю. Б. Соловьева и др.¹).

В качестве второй тенденции, на наш взгляд, можно обозначить интерес к *интеллектуальной истории русского консерватизма* со значительно более широким хронологическим охватом. Если изучение политической истории сосредотачивалось преимущественно на 1890–1910-х гг., то исследования по интеллектуальной истории русского консерватизма куда менее хронологически фокусированы. У них несколько временных «точек центрирования»: от 1810-х гг. до различных изводов «советского консерватизма». Первенство в исследованиях принадлежало зачастую филологам — в силу непрерывающейся традиции не самостоятельного или со смещенным фокусом изучения этих направлений мысли, но устойчиво продолжающегося по связности с иными изучаемыми персонажами и явлениями. Так, например, многолетняя работа над полным собранием сочинений Ф. М. Достоевского породила сборник «Достоевский. Материалы и исследования», статьи которого освещали многочисленные аспекты консервативной мысли той эпохи; подобные сюжеты оказывались частично легитимированы и при изучении Н. В. Гоголя, В. Г. Белинского, А. И. Герцена и т. п.

А. В. Репников — руководитель и координатор целого ряда исследовательских и публикаторских проектов (к их числу принадлежит упомянутая ранее энциклопедия «Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века»² и 2-й том сериального издания «Первая мировая война в оценке современников»³, включающий материалы, посвященные отношению правых и националистов к Первой мировой). Тем больший интерес вызывает его новая книга, достаточно полно отражающая суть одного из направлений исследований истории русского консерватизма.

Книга не является оригинальным исследованием. Фактически это дополненное издание работы автора «Консервативные концепции переустройства России»⁴, в свою очередь являющейся переработкой его предшествующих монографий⁵. Как

1. Аврех А. Я. (1966). Царизм и третьеиюньская система. М.: Наука; Аврех А. Я. (1968). Столыпин и III Дума. М.: Наука; Аврех А. Я. (1981). Царизм и IV Дума. 1912–1914 гг. М.: Наука; Аврех А. Я. (1985). Распад третьеиюньской системы. М.: Наука; Аврех А. Я. (1989). Царизм накануне свержения. М.: Наука; Аврех А. Я. (1990). Масоны и революция. М.: Политиздат; Ганелин Р. Ш. (1991). Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция. СПб.: Наука; Зайончковский П. А. (1964). Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х гг. М.: Изд-во АН СССР; Зайончковский П. А. (1970). Российское самодержавие в конце XIX столетия: политическая реакция 80-х — начала 90-х годов. М.: Мысль; Соловьев Ю. Б. (1973). Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л.: Наука; Соловьев Ю. Б. (1981). Самодержавие и дворянство в 1902–1907 гг. Л.: Наука; Соловьев Ю. Б. (1990). Самодержавие и дворянство в 1907–1914 гг. Л.: Наука.

2. Шелохаев В. В. (Ред.). (2010). Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века: Энциклопедия. М.: РОССПЭН.

3. Репников А. В. (Ред.). (2014). Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. 1914–1918. В 4-х тт. Т. 2: Консерваторы: великие разочарования и великие уроки. М.: РОССПЭН.

4. Репников А. В. (2007). Консервативные концепции переустройства России. М.: Academia.

5. Репников А. В. (1999). Консервативная концепция российской государственности. М.: СигналЪ; Репников А. В. (2006). Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX — начало XX веков). М.: Готика.

и в предыдущем издании, текст разделен на шесть глав, которые подверглись, как и книга в целом, некоторому переименованию, не всегда, впрочем, удачному. Так, III глава, ранее называвшаяся «Представления консерваторов о месте Российской империи в мировом пространстве», озаглавлена «Геополитические представления русских консерваторов». При этом предмет обсуждения и представленные позиции остались в основном теми же, во многом будучи вопросами внешней политики, отнюдь не обязательно включающими именно геополитическое (в любом из основных изводов понимания данного понятия) измерение. Что важнее, собственно геополитические рассуждения остались никак не акцентированы среди множества иных обсуждаемых внешнеполитических проблем. IV глава теперь называется «Конфессиональный и национальный вопрос: пути решения» — изменения здесь касаются появления «путей решения» и несколько странной замены «вопросов» единственным числом.

Возражения вызывает размытость хронологических рамок исследования — если в предисловии автор говорит, что «зарождение российского консерватизма (а вернее, предконсерватизма) относится к рубежу XVIII–XIX веков», а «становление консерватизма как общественно-политического течения следует отнести к эпохе правления Александра I» (с. 15), то согласно аннотации, «в монографии рассматриваются консервативные модели российской государственности конца XIX — начала XX века». Однако ни в тексте предисловия, ни в других концептуально-развернутых фрагментах данное хронологическое ограничение никак не обосновывается, более того, достаточно подробно анализируются взгляды К. Н. Леонтьева как самостоятельный предмет интереса, а не в рамках подготовки и обоснования более поздних подходов. Последнее отражает уже недостаток книги: неопределенность поставленной исследовательской задачи, возникшая из-за естественного разрастания работы в ходе длительного изучения русского консерватизма. Ранее присутствовавшие (в текстах 1999, 2006 и 2007 гг.) явные временные границы оказались во многих случаях преодоленными, но сами хронологические и теоретические приобретения не включены в какое-либо новое целое. Если предисловие охватывает достаточно длительный период с конца XVIII до начала XIX века и вплоть до послереволюционных лет, то далее заявленная хронологическая глубина остается нереализованной. При рассмотрении взглядов консерваторов 1890–1910-х гг. автор отсылает к этому же временному горизонту или использует сопоставления с некоторыми текстами европейских правых первой половины XX века (в основном Р. Генона, братьев Юнгеров и Ю. Эволя). Разумеется, подобное ограничение исследовательского внимания вполне правомерно и не может вызывать возражений, но при сравнении с вводными суждениями автора обнаруживается некоторое напряжение: между возможным, проектируемым вариантом рассмотрения и фактически реализованным.

Отдельная проблема — новый заголовок книги. В тексте автор ни разу не обращается к понятию «модель», о каких именно «консервативных моделях российской государственности» идет речь и какой смысл вкладывается в это понятие,

уяснить затруднительно. Вместо «моделей» фигурируют «концепции», унаследованные от предшествующих изданий, хотя наиболее точным — и одновременно нейтральным — было заглавие монографии 2006 года: «Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX — начало XX веков)».

Мы подробно останавливаемся на этих, казалось бы, второстепенных аспектах работы, поскольку полагаем, что здесь кроется источник большинства недостатков обширного исследования Репникова. Оно оказывается попыткой выстроить «русское консервативное мировоззрение», видимо, вопреки намерениям автора. Происходит это в силу избранных им средств — характеристики русского консерватизма как единого идейного феномена, для раскрытия конкретных положений которого привлекается разновременной и разнородный материал. На одной странице присутствуют обращения к идеям К. Н. Леонтьева, Л. А. Тихомирова, С. Ф. Шарাপова, М. О. Меньшикова, М. Н. Каткова и т. д., причем независимо от того, выражают ли они одну и ту же позицию или демонстрируют различие взглядов. Основной чертой избранного подхода является деконтекстуализация: теоретические взгляды не только расчленены на отдельные положения, каждое из них теперь свободно сопоставляется с такими же положениями, извлеченными из текстов другого автора. Репников осознает историческую изменчивость и многообразие русского консерватизма, в особенности в хронологических границах области его специального интереса, но это не переходит в методологические установки и приемы, а выражается в постоянных оговорках и уточнениях, препятствующих «срастанию» материала во вневременное или, во всяком случае, внеиндивидуальное целое. В итоге текст демонстрирует противоборство автора с избранным им самим подходом. Возникновение этого специфического противоборства надлежит отнести к недостаточной продуманности теоретических положений работы, начиная с ключевого — определения понятия «консерватизм» в контексте исследования, в какой мере оно будет описательным или аналитическим. Отсюда изобилие таких формулировок, как: «консервативная доктрина власти» (с. 151), «консервативная концепция в целом» (с. 167) и т. п. При этом даже на уровне поименных перечислений остается не вполне ясным, кого автор зачисляет в консерваторы, а кого — в «правые», «националисты» и т. п., безусловно отводя место среди первых лишь К. Н. Леонтьеву и Л. А. Тихомирову⁶.

6. В целом современное российское историческое (и — шире — социально-гуманитарное, имеющее дело с исторической проблематикой) сообщество в последние годы начинает осознавать необходимость детальной понятийной работы и потребность разработки, в частности истории понятий, свидетельством чего служат такие труды, как: Хархордин О. (Ред.). (2002). Понятие государства в четырех языках. СПб.: ЕУСПб; перевод антологии текстов, посвященных анализу понятия «res publica»: Штарк Р., Дрекслер Х., Шюрбаум В., Флури П. (2009). Res publica: история понятия / Пер. с нем. О. Хархордина, В. Серова, О. Бойцова. СПб.: ЕУСПб); монография О. Хархордина: Хархордин О. (2011). Основные понятия российской политики. М.: Новое литературное обозрение; двухтомник: Миллер А., Сдвижков Д., Ширле И. (Ред.). (2012). «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода. В 2-х тт. М.: Новое литературное обозрение; перевод избранных статей эпохального «Словаря основных исторических понятий»: Зарецкий Ю., К. Левинсон К., И. Ширле И. (Сост.). (2014). Словарь основных исторических понятий. В 2-х тт. / Пер. с нем. К. Левинсон под ред. Ю. Арнаутова. М.: Новое

Проблема — в конфликте между теоретической заявкой и недостаточностью средств для ее реализации. С одной стороны, нельзя не отметить роскошь эмпирического материала, с другой — очевидна проблема его группировки в рамках не только привносимой извне, но и недостаточно проясненной схемы, вынуждающей склоняться к логике рубрикации, относя материал по четырем разделам: теоретические основы консервативного мировоззрения (гл. II); геополитические представления русских консерваторов (гл. III); конфессиональный и национальный вопрос (гл. IV); социально-экономические проекты (гл. V). Самая сильная сторона Репникова — исторические исследования позитивистского плана, прекрасным образчиком которых служит созданная им совместно с О.А. Милевским подробная биография Л. А. Тихомирова⁷; большой материал был накоплен в ходе работы над энциклопедией «Русский консерватизм...», подготовки к изданию дневников Л. А. Тихомирова⁸ и следственного дела В. В. Шульгина⁹. Но отказавшись от двух наиболее простых способов изучения — прямолинейного, хронологически выстроенного повествования о судьбах русского консерватизма в конце XIX — начале XX века, или серии очерков, посвященных наиболее видным, представляющим особенный интерес фигурам русского консерватизма, или русским консервативным изданиям, объединениям и т. п., Репников попадает в ловушку тематических выделений. Он отказывается от внешней, хронологической последовательности изложения, когда можно было бы следовать за ходом полемики, стремится не к описанию, а к концептуализации — но без концептуального каркаса. При этом открывающий и замыкающий разделы работы свободны от подобного недостатка — если первый раздел имеет традиционный историографический характер (гл. I, «Историография проблемы»), то последний (гл. VI, «Накануне и после падения самодержавия») возвращает к привычной манере исторического повествования, раскрывая персональные судьбы и интеллектуальные траектории видных русских консерваторов в последние годы и после революции 1917 года. Этот раздел и наиболее стилистически удачен, и логически ясно выстроен — поскольку автор не экспериментировал над формой изложения и опирался на существующие и многократно использованные им образцы.

Перейдем от рассогласования между заявленными целями и фактической реализацией (которое, на наш взгляд, объясняется преимущественно генеалогией

литературное обозрение) и др. Исследование Репникова предстает недостроенным целым — трудом, обильным материалами, которые способны сказать гораздо больше, чем извлекает из них автор, и которые гораздо больше говорят ему, чем он способен ясным образом сформулировать. Это и порождает расплывчатость текста.

7. Репников А. В., Милевский О. А. (2011). Две жизни Льва Тихомирова. М.: Academia.

8. В частности: Тихомиров Л. А. (2008). Дневник Л. А. Тихомирова. 1915–1917 гг. / Сост. А. В. Репников. М.: РОССПЭН; Тихомиров Л. А. (2013). Дневник Л. А. Тихомирова (декабрь 1905 года) / Публ. А. В. Репникова // Социологическое обозрение. Т. 12. № 1. С. 86–120.

9. Макаров В. Г., Репников А. В., Христофоров В. С. (2010). Тюремная одиссея Василия Шульгина: материалы следственного дела и дела заключенного. М.: Русский путь; Книжница.

нынешнего текста, представляющего сразу несколько разновременных слоев работы) и сосредоточимся на том, что оказалось реализовано.

Исследование посвящено периоду (1890–1910-е гг.), когда «консерватизм» стал фактически официальной идеологией Российской империи, сложным образом сочетаясь с построениями, которые в той или иной степени можно квалифицировать как националистические. Репников сосредотачивает свое внимание на тех вариантах консервативной идеологии, которые включают русское националистическое содержание. Это делает их одновременно в той или иной степени реформаторскими, поскольку предполагает плавную или радикальную, но перестройку существующей системы отношений между различными этноконфессиональными и сословными группами империи в границах новой идентичностной модели, в условиях перехода от подданства к гражданству и новой модели лояльности. По этой причине за пределами исследования остаются другие варианты консервативной мысли (остзейские, польские, украинские и т. п.), ориентированные на перестройку империи при сохранении власти прежних привилегированных групп и сохраняющие преемственную логику, например «дворянского конституционализма». Иными словами, Репников анализирует исключительно «русский консерватизм» и его подходы к преобразованию «российской государственности»: национальное содержание преобладает над консервативным, что и создает сложности при классификации, когда все основные фигуры (за исключением К. П. Победоносцева) оказываются готовыми к самым радикальным подходам. Так, «консервативный» Л. А. Тихомиров размышляет (и отчасти пытается действовать) в направлении социалистического монархизма; взгляды М. О. Меньшикова автор характеризует скорее как националистические и либеральные, чем консервативные.

Поскольку книга посвящена изучению идейных позиций русских консерваторов, автор многократно подчеркивает невостребованность их теоретических построений, фиксируя взаимосвязь между сравнительной малочисленностью подобных работ и их поздним появлением и отсутствием интереса к имеющимся. Так, единственное в русской консервативной мысли развернутое рассмотрение сущности монархической власти — «Монархическая государственность» Л. Тихомирова — остается на периферии внимания самих правых (попытку популяризации предпринял прот. И. Восторгов, написавший по ее материалам «Монархический катехизис», но и здесь говорить об успехе затруднительно); исследование проф. П. Е. Казанского «Власть всероссийского императора» вышло лишь в 1913 году и осталось единственным юридико-догматическим описанием данного предмета. В 1890-х гг. идеологическое «вырождение» русских консерваторов, по сравнению с расцветом 1860–1880-х гг., вытекало из логики ситуации. Если ранее они выступали в качестве оппонентов власти (как «либеральной» или «неопределившейся»), а затем, в обстановке кризиса и поиска новых идейных оснований, в первой половине 1880-х правительство стремилось опереться на них (испытывая потребность в общественной поддержке и используя «поправение» значительной части общества после кризиса конца 1870-х — начала 1880-х гг.), то в 1890-е оно становится

консервативным. Отсюда следует, что консервативный идеолог претендует быть советником власти — она основной адресат, но адресат, не заинтересованный в подобной продукции, поскольку *de facto* предполагает критику существующего порядка вещей и одновременно «не истинный» (или «ошибочный») характер правительственного «консервативного» курса. Единственным легитимным идеологом здесь может выступать только сама государственная власть — консервативный публицист, выступая ее интерпретатором, тем самым оказывается избыточным и опасным. Отмечаемое Репниковым общее ощущение разочарованности к концу 1880-х гг. в среде консерваторов сопровождается фантазиями на тему тайной консервативной организации. К. Н. Леонтьев в полушутку говорит об образовании «иезуитского ордена», неизвестного самой власти, поскольку «правительственная поддержка скорее вредна, чем полезна, тем более что власть — как государственная, так и церковная — не дает свободы действия и навязывает казенные рамки, которые сами по себе стесняют всякое личное соображение» (см. с. 135).

Консервативная мысль в этих условиях теряет своего адресата — со стороны власти востребована «охранительная» позиция, консерватизм тождественен поддержке существующего строя (и тех реформ, которые проводит власть, в первую очередь направленных на поощрение промышленного развития и финансового сектора), тогда как традиционная консервативная социальная база, «поместное» дворянство, оказывается сужающимся основанием и, что важнее, быстро меняющимся в рамках новых условий, достаточно эффективно приспосабливаясь к ним. Аграрные хозяева, выторговывая себе у власти наилучшие условия, стремятся опираться на традиционные образы помещичьего хозяйства, дворянских обществ, действительно сильно отличаясь от них, вполне вписавшись в новую сельскую экономику¹⁰. Для противостояния власти или сколько-нибудь автономной позиции у консерваторов отсутствует в 1890-е значимый ресурс. Ряд консервативных мыслителей фактически занимает либеральные позиции (например, С. Ф. Шарпов — значимая фигура в складывающейся новой земской прото-политической среде, в том числе за счет изменения законодательства о земствах, сделавших их значительно более «дворянскими» и способствуя формированию земской оппозиции правительству, в частности в стремлении изменить экономическую политику в благоприятную для аграриев сторону).

Насущно становится выработка удовлетворительного объяснения — каким образом консервативная по всему своему идеологическому антуражу власть принципиально отдалается от консервативных ожиданий. Универсальным объяснением, в котором сходятся разные представители консервативной мысли, оказывается «бюрократия». Она образует «средостение» между «народом» и «самодержцем» и тем самым извращает сущность самодержавной власти, отнимая ее у монарха (теперь являющегося заложником бюрократии) и присваивая себе — становясь

¹⁰ Беккер С. (2004). Миф о русском дворянстве / Пер. с англ. Б. Пинскера. М.: Новое литературное обозрение.

абсолютным анонимным правителем (с. 183–186). Дальнейший ход рассуждений выявляет глубинное напряжение консервативной мысли этого типа:

— с одной стороны, утверждается необходимость ограничения власти бюрократии, создания механизмов контроля над нею, что предполагается осуществить благодаря формированию совещательных органов, созывам «сведущих людей» и т. п., постоянно повторяется идея о введении в состав Государственного совета представителей от разных общественных групп и учете мнений не только большинства, но и меньшинства;

— с другой стороны — налицо стремление сохранить режим личной власти и вывести его из автономной логики управления, которая последовательно ограничивает этот режим через выстраиваемые процедуры, и т. п.

Проблема, стоящая перед консерваторами, заключается в том, что для них в условиях возможного либерального парламентаризма и существующего порядка нет доступа к власти. Консервативное требование обращения к «знающим людям», личного участия монарха оказывается притязанием на доступ к нему, получение возможности прямого воздействия на государя. Но обретая подобный доступ (как в случае Победоносцева), консерватор становится «охранителем» и тем, кто теперь уже сам в глазах иных выступает «средостением». Апелляция к личной власти — следствие слабости собственной позиции, которая может обрести силу, лишь будучи присвоенной властью, став ее программой, а шанс на это консерватор получает в обход существующей рациональной и рационализирующей власти. Здесь же и источник относительного влияния консервативных идей, так как сам монарх оказывается их сторонником: для того чтобы сохранить собственную власть, расширить свободу принятия решений, он вынужден препятствовать консолидации правительственной системы (отсюда вытекает последовательное сопротивление образованию единого правительства¹¹), обеспечивать себе каналы информации, независимые от правительственных, создавать экстраординарные органы управления и т. п. При этом если в эпоху Александра II император скорее действует «среди» правительства, поддерживая в нем неравновесие и регулярно дестабилизируя, то Александр III склонен выстраивать правительство в режиме личного управления, через назначения лиц, пользующихся его доверием и не имеющих собственной опоры в административной среде (наиболее яркий пример — карьера С. Ю. Витте). Что касается Николая II, то для него характерно дистанцирование от правительства и всего управленческого аппарата, создание системы личных контактов, не переходящих на правительственный уровень (как при Александре III) и реализующихся через непосредственное, в обход существующих институций, действие государя («безобразовская компания», позднее — то, что в глазах публики приобрело облик «распутинщины»).

Из этой же ситуации вытекает сложность какого бы то ни было политического оформления консерваторов или «правых»: до 1905 года это совершенно невозможно

11. См.: Ремнёв А. В. (2010). Самодержавное правительство: Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX — начало XX века). М.: РОССПЭН.

но, поскольку означало бы появление политической партии или ее «зародыша» в системе, исключающей всякую партийную политику. Любая, сколь угодно промонархическая партия оказывалась бы несовместима с системой (у)правления, нацеленной на деполитизацию (отсюда упоминавшиеся ранее фантазии на тему тайных консервативных обществ/союзов). Вхождение консерваторов в политику происходит после революции 1905 года, когда власть оказывается лишь одной из сторон противостояния и вынуждена искать новые ресурсы поддержки — причем не пассивной лояльности, но активных сторонников. Часть проблем, здесь возникающих, затрагивал еще Победоносцев в письме к Николаю II (от ?? ноября 1898 г.): «Массы народные издавна коснели в бедности, нищете, невежестве и терпели от насилия сверху. Но они терпели, жили и умирали бессознательно... в последнее время бессознательность миновала, умножились средства сообщения, и вопиющая разница между нищетою одних в большинстве и богатством и роскошью других в меньшинстве стала еще разительнее». В итоге произошли коренные изменения — из-за того что общественные группы, ранее не соприкасавшиеся или почти не соприкасавшиеся друг с другом, пришли во взаимодействие, а отношения между ними более не регулировались традиционными нормами: «Все это легло на массу страшную тягостью, в иных местах невыносимую. Душа народная стала возмущаться. Стали подниматься всюду вопросы: для чего мы страдаем? а другие обогащаются нашим трудом, кровью и потом? И к чему служат власти, которые в течение тысячелетий ничего не могли устроить для нашего облегчения? И к чему, наконец, государство и всякая власть государственная?» (см. с. 126).

Возможность обретения новой социальной опоры монархией занимала Л. А. Тихомирова, искавшего вариант для самодержца выступить в качестве воплощения социальной справедливости — выражения социального мира, двинувшись по пути «германского социализма», когда государственная власть берет на себя функцию регулирования трудовых конфликтов, инициирует социальное законодательство (в ходе поисков Тихомиров активно взаимодействовал с начальником Московского охранного отделения в 1896–1902 гг., а с 1902-го по 1903-й — с главой Особого отдела Департамента полиции С. В. Зубатовым: см. с. 366–374). Однако в ситуации 1905 года речь шла уже не о долговременной стратегии, а о быстрой мобилизации сторонников существующей власти¹² — возникающие правые партии и объединения поддерживают монарха и противостоят правительству, претендуя (и соперничая между собой) на то, чтобы стать опорой власти и тем самым потеснить существующие группы. Послеревolutionная ситуация разочаровывает, пусть и в разной степени, все эти группы — монарх поддерживает их, но в ограниченных пределах, они полезны в том плане, что одновременно противодействуют либеральным и радикальным партиям, и государственному аппарату,

12. Переживания о невозможности обретения достаточной низовой поддержки нашли яркое выражение в дневнике Л. А. Тихомирова, записавшего 28.II.1907: «Господь нас покинул на произвол адских сил. Никогда я не думал, чтобы у русских было так мало самостоятельного нравственного чувства. Значит, только и держались „корсетом“ насилия...» (с. 183).

сохраняя личную власть монарха. Но и избыточное усилие их опасно для существующей системы власти, так как опора на массовое движение ведет к цезаристскому правлению.

1905 год кардинально разделяет консерваторов — для одних новая ситуация в корне неприемлема, поскольку речь идет об отмене октябрьского манифеста, основных законов 1906 года и возвращении к самодержавному правлению, другие принимают необратимость перемен и довольно быстро начинают воспринимать думскую монархию не только как «неизбежное зло», а как новые позитивные условия своей деятельности. В этот период появляются новые группы, которых именуют «консерваторами», но которые, как отмечает Репников, точнее называть «правыми», ведь именно правые выстраивают в обсуждениях тот или иной вариант диктатуры¹³ — политической фигуры, посредствующей между народом и монархом, в отличие от последнего получающей легитимность не от Бога, а в режиме аккламации. Одновременно она выводит монарха из-под риска обратиться в одного из участников ежедневной политики, а не в того, кто стоит «над схваткой» и тем самым способен определять правила политической игры и сохраняет (именно в силу выведенности из политической повседневности) возможность чрезвычайного политического вмешательства.

Монарх, в чрезвычайной ситуации использующий опору на монархические движения, не обращает эту опору в регулярную — в таком случае он оказался бы во власти этих движений, предпочитая им рациональные, бюрократические формы управления и пользуясь правыми движениями как ресурсом применительно к государственному аппарату. В этом отношении надежды правых на власть беспочвенны, они не только не нужны монарху, но и опасны. Если в кризисной ситуации монарх способен допустить правление, близкое к диктатуре (в лице Столыпина, отклонив планы наделения чрезвычайной властью великого князя Николая Николаевича как человека, обладавшего достаточным весом, чтобы быстро стать вполне автономным центром власти), то по мере стабилизации положения готовность допускать наличие подобной фигуры и соответствующую переконфигурацию власти резко сокращается. Иначе говоря, вопреки надеждам многих правых, учреждение диктатуры не только не происходит, но и приближенное к ней положение, которое возникло в 1906–1909 гг., постепенно ликвидируется ценой возрастающей политизации монарха.

Репников отмечает: «...элита и массы к 1917 году разочаруют слишком многих консерваторов» (с. 183). Это примечательное суждение, демонстрирующее положение русского консерватизма: отсутствие какой-либо автономной социальной опоры, связка с существующей властью (при осознании ее глубокого кризиса). Закономерным следствием стал переход многих правых на позиции «прогрессивного блока», в неопределенное, но сначала потенциально, а затем и открыто оппозиционное императорской власти политическое большинство: «Разочарование

13. Наиболее последовательно подобную мысль проводит С. Ф. Шарапов в своей фантазии «Диктатор» (1907).

во власти и ее возможности усовершенствовать существующую систему, так же как и скептическое отношение к обществу, стали общим местом в рассуждениях многих консервативных мыслителей начала века» (с. 183). В итоге правые и консервативные партии и объединения к Февральской революции 1917 года полностью исчезли.

Получив известие о расстреле царской фамилии, М. О. Меньшиков записал в дневнике: «...не мы, монархисты, изменники ему, а он нам. Можно ли быть верным взаимному обязательству, к-рое разорвано одной стороной? Можно ли признавать царя и наследника, которые при первом намеке на свержение сами отказываются от престола? Точно престол — кресло в опере, к-рое можно передать желающим. ... Тот, кто с таким малодушием отказался от власти, конечно, недостоин ее. Я действительно верил в русскую монархию, пока оставалась хоть слабая надежда на ее подъем... Мы все республиканцы поневоле, как были монархистами поневоле. Мы нуждаемся в твердой власти, а каков ее будет титул — не все ли равно?»¹⁴ Этой записью сказано много, в первую очередь о попытке оправдать собственную реакцию в марте 1917 года, свои статьи в «Новом времени»¹⁵, которые не помогли ему, впрочем, сохранить место в редакции — стремительно избавившейся от журналиста, пытаясь такой ценой сохранить газету. Правые в это время продемонстрировали, что у них уже нет убеждений, взаимно обвиняя друг друга в отсутствии таковых (преимущественно в дневниках и письмах — за невозможностью печататься). Монархистов в марте 1917 года не осталось — они появятся после, но в момент революции в интеллектуальном пространстве не оказалось практически ни одного защитника монархии. На смену им пришли давно вызревавшие желания диктатуры, распространенные среди правых со времен революции 1905 года, отношение к существующей династии (за исключением для некоторых фигуры великого князя Николая Николаевича) как неспособной дать подобное лицо¹⁶. Династия воспринималась уже скорее как дискредитирующая правое дело. Тихомиров писал в дневнике 2 марта 1917 года, повторяя расхожие обвинения и подзвучивая в адрес монархии:

«Угрожает страшная Германия, а мы по уши сидели в измене, самой несомненной (выделено мной. — А. Т.). Этот переворот должна бы была сделать сама

14. Меньшиков М. О. (1993). Дневник 1918 года // Российский Архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.). Вып. IV: М. О. Меньшиков. Материалы к биографии. М.: Студия ТРИТЭ — Российский Архив. С. 152–153. Запись от 10/23.VI.1918.

15. 7 (20) марта 1917 г. Меньшиков, в частности, писал в статье «Жалеть ли прошлого?»: «Всем сердцем хочется, чтобы демократические народы с освобожденной Россией, рука об руку, развили электричество свое до потрясающего потенциала и сокрушили последнее безумие, задерживающее истинный человеческий прогресс» (цит. по: стр. 429), т. е. Германскую империю.

16. На допросе большевистского трибунала В. М. Пуришкевич показывал: «Как мог я покушаться на восстановление монархического строя, если у меня нет даже того лица, которое должно бы, по моему, быть монархом. Назовите это лицо. Николай II? Больной царевич Алексей? Женщина, которую я ненавижу больше всех людей в мире? Весь трагизм моего положения в том и состоит, что я не вижу лица, которое поведет Россию к тихой пристани» (см. с. 451–452).

династия, если бы в ней сколько-нибудь осталось живой нравственной силы. Но — наличие условий привела к иному исходу. Теперь дай Бог, чтобы правительство, раз оно возникло, осталось прочным. Известия как будто обещают это. Перечитываю газеты, целых три. Крушение рисуется головокружительное. Прямо — всеобщее присоединение к Временному Правительству. <...> Телефонировали в Посад¹⁷, спросить — не послать ли им газет? Оказывается — есть, и обе, Катя и Надя¹⁸ — в полном восторге. *Надя кричит по телефону — „Поздравляю с переворотом“* (выделено мной. — А. Т.). Действительно, ужасная была власть»¹⁹.

Впечатляющая по объему изученного материала работа А. В. Репникова значима и как своеобразный библиографический указатель — неслучайно автор подчеркивает, что в книге «представлена историография проблемы по состоянию на середину 2014 года». Данная книга не только станет, как и ее предшественницы, одним из наиболее активно используемых в научном обороте трудов по истории русского консерватизма, но и послужит материалом для последующих работ этого почтенного исследователя, углубляющих и фундирующих изучаемую проблематику.

Conservatives in Search of the Future

Andrey Teslya

Associate Professor, Pacific National University

Address: Tihookeanskaya str., 136, Khabarovsk, Russian Federation 680035

E-mail: mestr81@gmail.com

Review: *Konservativnye modeli rossijskoj gosudarstvennosti* [Conservative Models of Russian Statehood] by Alexander Repnikov (Moscow: ROSSPEN, 2014) (in Russian)

17. В Сергиевом Посаде в это время жило семейство Л. А. Тихомирова.

18. Жена и дочь Л. А. Тихомирова.

19. *Тихомиров Л. А.* (2008). Дневник Л. А. Тихомирова. 1915–1917 гг. С. 348–349.